

Г. И. Успенский

Малые ребята

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 1

Подготовка текста и примечания Н. И. Соколова

М., ГИХЛ, 1956

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Один из моих давнишних знакомых, некто Иван Иванович Полумраков -- чиновник, занимающий в настоящее время довольно видное место в одном из петербургских министерств, "устраивающих", созидających, направляющих и руководящих, -- пораздумавшись в свободную от всей этой массы работ, конечно на пользу блага отечества, минуту -- вообще о *подлинном* положении дел в этом самом отечестве -- невольно почему-то начинает печалиться и трепетать перед участью своих собственных детей. Много, очень много мотивов, заставляющих Ивана Ивановича непременно сокрушаться об этой участи, возникали в его голове при этих размышлениях; но мы не будем утомлять читателя перечислением этих многочисленных мотивов скорби, а только остановимся на той же самой теме, которая волнует и не одного Ивана Ивановича Полумракова.

Много на своем веку приходилось мне встречать чадолюбивых родителей, но Иван Иванович отличается от них не столько особенностью в чадолюбии, сколько именно озабоченностью, повидимому не дающею ему покоя, над разрешением вопросов о том, что нужно детям образованного или более или менее обеспеченного человека в предстоящей им жизни? чему учить? к чему готовить? в каком направлении вести нравственное развитие?

Автор этого очерка, имея намерение сказать несколько слов о том подрастающем поколении, которое в настоящее время, сидя на стуле, еще не достает ногами до полу, не может оставить без некоторого внимания такого "озабоченного" тем же вопросом родителя, как Иван Иванович Полумраков, тем более что "озабоченность" его не ограничивалась только размышлениями, умозаключениями и т. д., но выражалась и в некоторых опытах, на деле пояснявших то, до чего Иван Иванович доходил путем продолжительных размышлений.

Прежде всего необходимо объяснить причину происхождения в Иване Ивановиче такой "особенной" заботливости о собственных детях; необходимо потому, что -- надо говорить правду -- было время, когда Иван Иванович не блистал ни чадолюбием, ни "заботливостью" в той степени, в какой блещет он и тем и другим в настоящее время. Правда, он всегда был добрый и ласковый отец; но чтобы так обременять себя вопросами, касающимися иногда самых мелких сторон детской жизни, детской души, детского будущего, -- этого не было и в помине. Говоря откровенно, происхождение этой заботливости находится в тесной связи с одним не столько неприятным, сколько неожиданным эпизодом, случившимся в жизни Ивана Ивановича несколько лет тому назад.

Дело в том, что три года тому назад зимой, в пять часов утра, в квартиру Ивана Ивановича позвонили, затем вошли в кабинет и спросили: "Знаком ли он, и давно ли, с акушеркою N, запутавшейся, как оказалось, в каком-то непрактическом предприятии?" Иван Иванович, ободренный необыкновенной вежливостью и почтительностью, с которыми был предложен этот вопрос, оправился и с достоинством отвечал, что акушерку N он, точно, знает, так как семейному человеку трудно обойтись без этого знакомства, но что знакомство это основано только на профессии г-жи N, что никоим образом не может иметь ни малейшей связи с личными взглядами этой госпожи, так как Ивану Ивановичу якобы совершенно неизвестно, какие такие г-жа N имеет взгляды.

На том все дело и кончилось; все произошло вежливо и деликатно; деликатно до того, что, например, лицо, посетившее Ивана Ивановича, дабы не пачкать окурком папиросы очень изящную пепельницу, само открыло заслонку печки и, нагнувшись, бросило окурочек в самую глубину. Наконец, чтобы замять неприятный разговор, лицо это обратило внимание на олеографию Куинджи и выказало большой вкус к изящным произведениям, указав прикосновением кончиков пальцев к полотну картины несколько действительно блистательных, эффектных черт, касавшихся освещения. Повторяю, посещение прошло так тихо и любезно, что в Иване Ивановиче не могло и не должно было остаться после него ни малейшей тревоги. Кроме того, даже и высшее начальство того министерства, в котором служил Иван Иванович, только мимоходом и спустя долго после события, напомнило ему о нем, и притом с